

УДК 947

**ВЛАСТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
КООПЕРАТИВНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.**

© О. В. ЯГОВ

Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского,
кафедра новейшей истории России и краеведения
e-mail: yagovdom@mail.ru

Ягов О. В. – Властное регулирование кооперативного сектора экономики Поволжья в первой трети XX в. // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 649–658. – В статье анализируется становление и развитие кооперативного движения в рассматриваемом регионе в первой трети XX в. Прослеживается эволюция кооперативного законодательства, акцентируется внимание на противоречивой государственной политике в отношении кооперации в досоветский период, в условиях «военного коммунизма», а также в период реализации новой экономической политики. Автор в ходе исследования приходит к выводу, что власть стремилась подчинить своему контролю различные виды кооперации, и к началу 1930-х гг. практически произошло огосударствление кооперативного сектора экономики региона.

Ключевые слова: кооперация, властные органы, кооперативное законодательство, военно-коммунистический эксперимент, командно-административные методы, внедрение партийных сил.

Yagov O. V. – The authoritative regulation of the economic cooperative sector in the Volga region at the beginning of the XXth century // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. i V. G. Belinskogo. 2011. № 23. P. 649–658. – The article analyzes the process of formation and development of the cooperative movement in the Volga region at the beginning of the XXth century. The article observes the evolution of cooperative law, contradictory state policy regarding cooperative societies under conditions of the so-called “military communism” and the course of new economic policy. The article results in stating that the authorities aimed at controlling cooperative societies. The beginning of the 1930s showed that the cooperative sector got controlled by the state.

Keywords: cooperation, authorities, cooperative law, military and communist experiment, commanding and administrative methods, introduction of party members.

Первые кооперативы в Российской империи начали стихийно возникать сразу же после отмены крепостного права. Однако до начала XX в. кооперативное движение так и не получило широкого развития. Становление различных видов кооперации в стране шло по мере осознания потребности в кооперативном объединении, накопления практического опыта, складывания кадрового костяка и материальной базы.

Главным препятствием для развития кооперации в России было отсутствие общего кооперативного закона, тогда как в Германии уже в 1868 г. был принят имперский законопроект по кооперативным товариществам, который позволил последним добиться статуса юридического лица лишь путем акта регистрации [21. С. 102–103].

В начале XX в. в России существовала разрешительная система регистрации кооперативов. Утверждение уставов союзов кооперативов должно было пройти через Совет министров и направляться к им-

ператору. Возникновение и закрытие кооперативов зависело и от губернаторов.

По мнению корейского исследователя кооперативного движения Ким Чан Чжина, кооперация для правящего класса, с одной стороны, представлялась одним из важнейших способов преодоления аграрного кризиса и приспособления крестьянских хозяйств к изменившейся экономической среде; с другой стороны, – своеобразной организацией общественной инициативы непримиримой с самодержавием [21. С. 102]. Несмотря на требования деятелей кооперативного движения о необходимости принятия общекрестьянского закона до 1917 г. этот закон так и не был принят.

Особенностью отечественной кооперации являлось сосредоточение подавляющего большинства кооперативов в сельской местности, тогда как, например, в Англии кооперация носила преимущественно городской характер.

Накануне Первой мировой войны в России имелось всего 244 кустарно-промысловых кооператива [40], тогда как число сельскохозяйственных обществ достигло 5 654 [46. С. 25], потребительских – 10 080 [20. С. 52] и кредитных – 13 080 [13. С. 30].

В Поволжье становление и развитие различных видов кооперации происходило неравномерно. Так, в Пензенской губернии в 1913 г. насчитывалось уже свыше 300 кредитных и 100 сельскохозяйственных кооперативов [7. Д. 618. Л. 407], а первые кустарно-промысловые артели начали создаваться только в ходе Первой мировой войны, и в 1916 г. их имелось всего 8 [7. Д. 801. Л. 231]. В Самарской губернии также преобладали кредитные кооперативы, и к 1914 г. их число достигло 305. [1. С. 171].

В Астраханской губернии активнее прочих развивались потребительские и кредитные кооперативы. Немногочисленные кустарно-промысловые артели имелись лишь в промысле по производству лодок, гнездо которого было расположено в с. Карантинном [22. С. 53].

Поволжские губернии по числу кооперативов и членов в них отставали от общероссийских показателей. Одной из причин сложившегося положения являлись юридические трудности при открытии новых кооперативов. Также можно отметить, что в сельской местности, где функционировало большинство кооперативов, имелись и другие неблагоприятные условия для деятельности товариществ: невежество и неграмотность населения, высокая смертность крестьян, общее тяжелое финансовое положение деревни. Ярко описывал сложившуюся ситуацию, например, в пензенской деревне участковый агроном С. Шиков: «...С первых же шагов своей деятельности пришлось обратить внимание на отсутствие у населения доступного кредита и заняться организацией кредитных товариществ... Местные богатеи берут 36 – 60 % в год, не считая угощений. Волостные кассы ограничиваются ссудами в 5 – 10 рублей, и ждать приходится несколько месяцев. Однако на предложение получать деньги под 12 % в год по копейке на рубль в месяц, где и поручителей не нужно, дают по личному доверию и проч. и проч. слышно: «не желаем», «не к добру», «слышанное ли дело деньги даром раздавать будут», «от антихриста это», «всякими ерундами заниматься нам некогда», «вот нам бы водочки!».... Один пришел после записи: «Вычеркни мол, трубаночью олопнула, а старуха-мать молит: «Поди, выпишись, не к добру это» [3. С. 887–891].

Довольно распространенным явлением были злоупотребления членов правлений кооперативных товариществ. Местные предприниматели, входя в состав правлений, будучи людьми энергичными брали дела в свои руки и использовали средства товарищества в своих интересах, пользуясь малообразованностью других членов правления. Так, кассир Лунинского кредитного товарищества купец А. В. Гордеев, торгуя в с. Лунино мануфактурным товаром выдавал некоторым членам товарищества ссуды и сразу же удерживал их в счет забранного товара, что возбуждало всеобщее негодование. При таком положении

дел вкладная операция в товариществе не могла развиваться.

Учитывая вышеприведенные факты, можно прийти к вполне определенному выводу, что часто надзор, опека кооперативами были необходимы. Только инспекторские проверки могли вскрыть факты финансовых нарушений и махинаций со стороны некоторых членов правления и тем самым обеспечить в дальнейшем нормальное функционирование товарищества.

Первая мировая война внесла определенные коррективы в деятельность кооперации и, прежде всего, заставила властные органы обратить более пристальное внимание на кооперативное движение. Масштабная спекуляция, распространение дороговизны, трудности с продовольственным снабжением армии и гражданского населения из-за отсутствия отлаженного централизованного аппарата управления материальными ресурсами в условиях «чрезвычайщины» заставили правительство использовать все возможные структуры для предотвращения полной деформации экономики государства.

Кооперативная сеть, охватывавшая накануне войны около половины экономически активного населения страны, безусловно, оказалась привлекательной для центральных и местных властей в области решения финансовых, продовольственных и социальных проблем. Первоначальные опасения по поводу того, что полная мобилизация и последующая война вызовет панику среди вкладчиков учреждений мелкого кредита, сократит количество членов кооперативных организаций и вообще уменьшит потребность в их открытии в последующем, не оправдались. Так, в сентябре 1914 г. Управляющий пензенским отделением Госбанка сообщал в Управление по делам мелкого кредита о том, что происходящие события на состоянии кредитных кооперативов никак не отразились. Напротив, вкладные операции в связи с появлением на руках у населения свободных денег увеличились, а злостных неплательщиков процентов по выданным ссудам не наблюдалось. Лишь некоторые учреждения обращались в банк с просьбой отсрочить платежи по кредитам в связи с неурожаем хлебов [9. Л. 122–123 об].

Особенно пристальное внимание власти уделяли сельским кооперативным объединениям, призванным поддержать массу крестьянских хозяйств и спасти страну от продовольственного кризиса. Именно поэтому в правительстве было решено и в военное время оказывать содействие в создании кооперативных организаций в крестьянской среде.

Для реализации поставленной задачи Госбанк увеличил размер выдаваемых ссуд для учреждений мелкого кредита. Благодаря этому численность кредитных товариществ в 1914–1916 гг. увеличилась с 13 000 до 16 500 [13. С. 37]. Бурное развитие пережила и потребительская кооперация. Численность обществ в этой сети с 10 000 выросла до 23 500 [13. С. 37].

В условиях спекулятивной горячки люди увидели в общественных лавках и кредитных организациях главное средство спасения от небывалой доро-

говизны. В свою очередь, правительство стремилось использовать кооперативный аппарат наряду с другими общественно-политическими организациями для борьбы с повышением цен на предметы первой необходимости частными торговцами.

Самой масштабной деятельностью кооперативов стало их участие в государственных хлебозаготовительных кампаниях. Война, породившая колоссальный спрос на все продовольствие, застала власть врасплох. Крайняя нестабильность в деревне, отсутствие четко отлаженной системы заготовки/снабжения провиантом армии и гражданского населения – все это обостряло продовольственную проблему с непредвиденной быстротой. Именно поэтому правительство сразу обратило внимание на кооперативную сеть, обладавшую значительным потенциалом в деле разрешения продовольственных трудностей.

Сотрудничество государственной власти и кооперации в годы Первой мировой войны выразилось в участии в поставках продовольствия для нужд армии и населения, борьбе с инфляцией и спекуляцией на рынке непродовольственных товаров, а также в привлечении денежных средств на нужды обороны страны через распространение государственных облигационных займов.

Несмотря на многочисленные примеры успешного сотрудничества властей и кооперации, доля ее участия в поставках продовольствия для нужд армии и населения потребляющих регионов в конечном итоге оказалась невелика и не превысила 15 %. Среди главных причин малопродуктивной работы кооперативной сети в этот период следует назвать неэффективную продовольственную политику правительства, оказавшегося неспособным пресечь массовую спекуляцию продовольствием и промышленными товарами на рынке, а также саму организационно-хозяйственную слабость кооперации.

Серьезные коррективы во взаимоотношения власти и кооперации внес революционный 1917 г. Сразу же после Октябрьских событий в основу хозяйственной политики большевиков был положен принцип организации потребительских и производственных кооперативов в противовес частному торговцу и производителю.

Однако провозглашенная политика была крайне противоречивой. Наряду с поддержкой различного рода кооперативов, властные структуры параллельно всячески ограничивали их деятельность и к началу нэпа фактически установили тотальный контроль над кооперацией.

Кооперативные успехи не представляли ценности для новой власти, а основные начала организации и деятельности кооперативов (самопомощь, самодеятельность, самоуправление, взаимная ответственность), закрепленные в общероссийском законе от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах» оказались несовместимы с формирующимся режимом диктатуры пролетариата. Не соответствовали они и представлениям большевистского руководства о будущем бесклассовом и бестоварном обществе.

Диктатура пролетариата теоретически предполагала увеличение и укрупнение рабочего класса, который составлял основную социальную базу новой власти. В этой связи приоритетной выглядела поддержка профсоюзных, партийных и комсомольских рабочих организаций, а не кооперативных.

В рамках озвученных доктринальных основ вполне естественно выглядела национализация многих производственных кооперативов. Так, в Поволжье наблюдалась волна национализации кустарных заведений. Волостные советы, районные советы народного хозяйства и другие органы переводили кустарные мастерские в свои руки, реквизируют у кустарей материалы, инструменты и т. д.

Самарский исследователь Р. Н. Парамонова отмечает, что в этот период появились «рационализаторские идеи» покончить с кустарной промышленностью как «пережитком прошлого». Для этого предлагалось: сосредоточить все производство ширпотреба на 2–3 хорошо технически оснащенных фабриках; насильно согнать кустарей в города для работы в национализированных крупных мастерских; разогнать трудовые артели, «это зло», которое «питается развалом крупной промышленности» [29. С. 47].

Недоверие населения к кооперативным формам хозяйственной деятельности возрастало по мере дальнейшего внедрения в кооперацию военно-коммунистических методов регулирования. Если первоначально кооперативы строились на принципах добровольности, хозяйственной самодеятельности, самоуправления, материальной заинтересованности, то декретом СНК от 27 января 1920 г. «Об объединении всех видов кооперативных организаций» нарушались основные принципы кооперативного движения: добровольное членство заменялось обязательным, а все виды кооперации были подчинены потребительской [15. С. 147–149].

В декрете отмечалось, что разобщение дела распределения и заготовок между кооперативами различных видов является вредным явлением. Кроме того, в нем указывалось, что некоторые виды кооперации весьма часто по своему составу и строению отражают интересы не трудящихся, а их классовых врагов [47. С. 356].

Как видим, в последнем положении содержится явный призыв к тотальному наступлению на кооперацию. Этот вывод также подтверждает введение ограничений на участие в кооперации – членами кооперативов могли быть лишь те, кто имел право избирать депутатов в Советы. Такие кооперативные принципы, как уплата паевых взносов и распределение прибыли, упразднились.

Одновременно с декретом было принято постановление «О ликвидации Совета Всероссийских кооперативных съездов». Вместо этого демократического органа был создан Главный комитет по кооперативным делам (Главкооп). Специальной резолюцией «Об отношении к кооперации» IX съезд РКП (б), проходивший с 29 марта по 5 апреля 1920 г., одобрил широкомасштабное наступление на кооперацию и намеченную реорганизацию всех ее видов [23. С. 169–171].

Наместах самостоятельных губернских кооперативных союзов упразднились и заменялись губсельско-секциями и губкустпромсекциями в составе аппаратов Губсоюзов потребкооперации.

В Поволжье декрет стал реализовываться с мая 1920 г. В Самарской губернии на базе губернского отделения Кооперативбанка были образованы две секции: сельскохозяйственная и промысловая, позднее ставшие секциями при Губсоюзе потребительских обществ [50]. Реализация этих перестроек затянулась на весь 1920 г. Так, в Пензенской губернии создание кустпромсекции произошло только в ноябре 1920 г. [10. Д. 108. Л. 101].

Считаем, что главной причиной структурных изменений в различных видах кооперации и подчинения их потребительской является то, что руководящие органы потребкооперации к 1920 г. были завоеваны коммунистами, которые оказывали давление на аппарат кустарно-промысловых и сельскохозяйственных объединений, состоявший из «старых» кооператоров. Реорганизацией кооперативной системы на основе декрета от 27 января 1920 г. была сделана попытка перейти от компромисса с кооперацией к полному осуществлению идеи единого всенародного кооператива. Местная печать того времени вынуждена была признать: «... при пролетарской диктатуре кооперация принудительно стала организацией всех масс России, лишившись права частной своей работы ...» [24].

В связи с проведенной организационной перестройкой кооперативный аппарат подвергся серьезной деформации. Получая средства на операционные расходы из центра, местные Губсоюзы потребительских обществ не заботились о добывании собственных, о правильном с коммерческой точки зрения ведении операций. Их аппарат становился громоздким и неповоротливым. По данным Центросоюза, к концу 1920 г. кооперативный аппарат в Оренбургской губернии насчитывал 5 637 человек, в Самарской – 9 668 [45]. Только в аппарате Губсоюзов оказались занятыми от 500 до 1 000 рабочих и служащих.

Замена сложившихся в 1919 г. кооперативных центров рыхлыми, четко не оформленными секциями при Губернских союзах потребительских обществ привела к тому, что аппарат союзов рассеялся по другим учреждениям или остался без работы. В этот период низовая сеть производственной кооперации не распалась лишь благодаря сохранению самостоятельности первичных кооперативов. В Пензенской губернии стихийный рост промысловых артелей в 1920/21 хозяйственном году не сопровождался их объединением в союзы. Так, с ноября 1920 г. по июль 1921 г. общее число артелей в губернии выросло в 2,4 раза [7. Д. 618. Л. 388 об], а количество кооперативов, состоявших членами местного Губсоюза, фактически осталось неизменным [10. Д. 97. Л. 15].

От полного слияния сельскохозяйственных и кустарно-промысловых кооперативов с потребительскими обществами слабая позиция, которую занял Главный комитет по кооперативным делам, который в марте 1920 г. разработал «Положение о сельскохозяйственных

и кустарно-промысловых кооперативных организациях», утвержденное СНК 19 апреля этого же года. Оно, в отличие от военно-коммунистических принципов организации потребительской кооперации, закрепило за низовыми сельскохозяйственными и кустарно-промысловыми товариществами самостоятельное существование и добровольное членство в них [17].

Однако в регионах декреты и постановления центральной власти интерпретировались по-своему. Поэтому в результате всех изменений «объединенная» кооперация в начале 1921 г. представляла собой жалкое зрелище. Кооперативные секции при Губсоюзах оказались бесправными, лишены самостоятельности. Они так и не смогли наладить связь с низовыми кооперативами, и в организационном отношении остались отрезанными от своей базы [16. С. 31].

Опыт работы Симбирской Губкустпромсекции показал ее недееспособность и убыточность. За время существования секции было зарегистрировано всего два договора о принятии кустарно-промысловых артелей в союзную сеть [12]. Царицынская газета «Борьба» в начале 1921 г. писала о том, что кустарно-промысловая кооперация, по сути, превратилась в филиал потребкооперации, так как последняя снабжала мелких товаропроизводителей материалами и продуктами, а также принимала все выработанные кустарями изделия и распределяла их среди населения [2].

В период «военного коммунизма» большевики стремились захватить руководство кооперативами. Так называемая кадровая политика партии предусматривала отстранение от руководящей работы старых специалистов. Кооперативные работники всячески сопротивлялись вмешательству в их деятельность местных партийных органов. Они выступали против внедрения коммунистов в кооперативную систему. Показателен в этом отношении следующий пример. В сентябре 1920 г. заместителем председателя Симбирского Губкустпрома был избран беспартийный В. С. Жиганов, который считался хорошим специалистом. Однако Губком партии потребовал ввести в коллегию Губкустпрома двух коммунистов (коллегия состояла из трех человек), в том числе В. Вишневого, до этого не имевшего никакого отношения к кустарному производству. В этой связи уполномоченный Главкустпрома В. В. Агуров сообщал в Москву о недопустимости подобных действий. Он мотивировал это тем, что такая политика подрывает авторитет местных центров управления кустарной промышленностью [37].

Конец 1920 г. ознаменовался новым наступлением властных структур на кооперацию. В декабре СНК принял декрет «О финансировании кооперации», по которому с 1 января 1921 г. упразднялась финансовая самостоятельность кооперации. Организационные расходы Центросоюза, Губсоюзов и городских кооперативов принимались на счет государства, а хозяйственные – на счет тех ведомств, задания которых она выполняла.

На фоне принимаемых радикальных решений центром, на местах также велось открытое наступление на кооперацию. В начале 1921 г. постановлением

президиума Пензенского ГСНХ были ликвидированы все кожевенные артели губернии, а их имущество национализировано. Это была «красногвардейская атака» на кооперативные учреждения. Она осуществлялась вопреки декрету от 7 сентября 1920 г., запрещавшему национализацию артелей без согласования с организациями, регулирующими кустарную промышленность [36. Д. 112. Л. 1].

Итак, «военно-коммунистических» экспериментов советской власти в области кооперации сводились к тому, чтобы от политики компромисса с кооперацией перейти к полному ее огосударствлению.

Кроме того, потребительская кооперация, взявшая на себя не только распределительные, но и производственные функции со своими задачами не справлялась, и к концу Гражданской войны кооперация оказалась, по выражению В. И. Ленина, «в состоянии чрезмерного задушения» [25. С. 64].

В целом можно отметить, что проводимая в эти годы государственная политика в отношении кооперативных объединений носила двойственный характер. С одной стороны, в условиях свертывания товарно-денежных отношений, безработицы, кризиса снабжения и сбыта власть давала возможность членам кооперативов выжить. Но, с другой стороны, система запретительных мер сковывала частную инициативу кооператоров.

В условиях военного времени и борьбы за власть жесткая централизация экономики и стремление государственных и партийных органов подчинить своему контролю кооперативную сферу были объективно обусловлены сложившейся на тот момент социально-экономической и политической обстановкой. Однако при переходе к мирному строительству подобная политика не могла стимулировать деятельность членов кооперативов и товариществ. Для сохранения политической власти большевиков и восстановления разрушенного войной народного хозяйства требовалось выработать новый экономический курс.

Советская власть в начале 1921 г. была вынуждена лихорадочно искать выход из критической ситуации. Результатом этих поисков стало провозглашение НЭПа, в рамках которого началось постепенное возвращение к основным демократическим принципам кооперативного движения: восстанавливались добровольное членство в кооперативах и членские взносы, отдельные виды кооперации получали право на самостоятельное развитие, также пересматривались ранее принятые декреты, ограничивающие в той или иной степени деятельность кооперативных систем [39].

Первым шагом в этом направлении стало издание 17 мая 1921 г. декрета СНК РСФСР «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации», которым устанавливались демократические принципы строительства кооперативов: явочный порядок создания, добровольное вхождение в них членов, свободное избрание правлений кооперативных товариществ [33. С. 232-233].

Следующим шагом власти стало отделение сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации всех уровней от потребительской, что и было провозглашено декретами от 7 июля «О промышленной кооперации» [43. № 53. Ст. 322] и 16 августа 1921 г. «О сельскохозяйственной кооперации» [43. № 61. Ст. 434].

В них предусматривалось отделение названных видов кооперации от потребительской, их полная независимость, следовательно, правона создание самостоятельных кооперативных систем.

Для исполнения принятых декретов была образована специальная комиссия в составе сотрудников Центросоюза и представителей кооперативных организаций, которая должна была подготовить ликвидацию кустарно-промышленной секции Центросоюза, что и произошло 12 сентября 1921 г.

По аналогии на местном уровне все кооперативные секции при губернских союзах потребительской кооперации также ликвидировались или преобразовывались в самостоятельные промышленные и сельскохозяйственные кооперативные союзы [36. Д. 78 а. Л. 133-149]. Трех и более кооперативам предоставлялось право свободно объединяться в союзы по производственному или территориальному признаку. Губернские кооперативные союзы учреждались без предварительного разрешения местных органов власти.

В условиях Поволжья проведенное размежевание потребительской кооперации с другими видами кооперации носило в значительной мере формальный характер, так как состояние экономики не позволяло строго разграничивать сферы хозяйственной деятельности производителя. А главное, политика правящей партии в организационном строительстве кооперации в начале НЭПа была непоследовательной. Так, XII Всероссийская конференция РКП (б) (4-7 августа 1922 г.) признавала целесообразным существование различных форм производственной кооперации, в то же время, предлагала добровольное слияние кооперации разных видов в смешанные кооперативы, создание объединенных промышленных предприятий [14. С. 33].

На местах рекомендации вышестоящих органов были восприняты по-своему. Например, в докладе инструктора П. М. Виноградова о поездке в Городищенский уезд Пензенской губернии (20-23 марта 1923 г.) отмечалось, что «некоторые кустарные артели и сельскохозяйственные общества в принудительном порядке ликвидируются и сливаются с многолавками потребкооперации» [10. Д. 168. Л. 4]. А уполномоченный Городищенского уездного кооперативного союза А. В. Захаров в беседе с председателем Павло-Куракинской артели Г. Н. Лавровым заявил, что «если их артель не изъявит желания к объединению», то он сможет ее закрыть.

Уже в начале НЭПа в среде идеологов и практических работников кооперации возникло два течения: сторонников создания специализированных кооперативных союзов и так называемых «универсалистов», выступающих за смешанные (интегральные) союзы. Между ними в 1921 г. развернулась жесткая дискуссия. Главным доводом сторонников универсализма был ар-

гумент о невозможности разграничения деятельности различных видов кооперации, так как кредитная кооперация торговала мануфактурой и обувью, потребительская имела свои производственные артели и т. п. Кроме того, в 1921 г. в РСФСР из 200 кооперативных союзов около 75 % были смешанными. Причины подобного явления на местах виделись в:

- нецелесообразности объединения сил кооперации;
- невозможности отделить крестьянина-кустаря от крестьянина-пахаря, так как это один и тот же физический субъект;
- экономии средств на содержание единого кооперативного аппарата;
- устранении конкуренции в кооперации, неизбежной при существовании двух и более кооперативных союзов [49. С. 8].

В большинстве губерний Поволжья воссоздание специализированных и смешанных кустарно-промышленных, сельскохозяйственных кредитных кооперативных союзов затянулось до середины 1923 г. Если в Пензенской губернии уже 10 августа 1921 г. был воссоздан самостоятельный кустарно-промышленный кооперативный союз (Кустарсоюз) [10. Д. 181. Л. 3], то в докладе инструктора-контролера кооперативного кустарного управления ВСНХ Р. Сляжевича о работе в Самарской губернии отмечались затруднения в кооперировании мелких товаропроизводителей из-за неурядиц организационного характера, такие не позволивших в начале НЭПа создать губернский центр промысловой кооперации [38. Д. 188. Л. 57].

В Астраханской, Саратовской и Симбирской губерниях создание союзной кооперативной сети по пути смешанных союзов произошло лишь в конце 1922 – начале 1923 г. Такое объединение стало следствием, во-первых, слабости каждого вида кооперации (отдельные союзы и кооперативы, состоявшие из полупролетарских элементов, ввиду своей экономической и финансовой слабости самостоятельно функционировать не могли); во-вторых, кустарно-промысловые и сельскохозяйственные кооперативы объединяли крестьянина-кустаря; в-третьих, с созданием объединений сельскохозяйственной кустарно-промысловой кооперации охватывались все стороны производственной деятельности крестьянства. Кроме того, прямое давление на объединение этих видов кооперации оказывали партийные организации [12. Л. 211].

О проблемах смешения функций различных видов кооперации писал в своем отчете, направленном в начале 1922 г. в Саратовский губсовхоз, губернский политинструктор Н. В. Топоровский. Он отмечал, что правление Петровского уездного союза сельскохозяйственной и промысловой кооперации выступает против членства в союзе сельскохозяйственных коллективов, так как это приведет к ущемлению интересов промысловой кооперации [11].

Властные структуры к середине 1920-х гг. пересмотрели свою политику в отношении смешения функций различных видов кооперации. К этому времени в партийных кругах вынуждены были признать, что кооперативный «интеграл» лишает кооперативы

самостоятельности, подрывает кооперативные принципы и доверие населения к кооперации.

В немалой степени изменение курса в организационном строительстве кооперации было вызвано тем, что перед кооперацией ставилась сверхзадача – противостоять усиливавшемуся влиянию частного капитала в торговой и производственной сферах. Поэтому как в центре, так и на местах была свернута пропаганда кооперативного интеграла, и начался процесс создания самостоятельных кооперативных союзов в каждом отдельном виде кооперации.

Важность данной проблемы для высшего руководства страны подчеркивается тем, что она стала предметом обсуждения на XIV партийной конференции (апрель-май 1925 г.), признавшей в резолюции «О кооперации», что «... смешение функций разных видов кооперации является наиболее опасной болезнью, и в дальнейшем должно быть обеспечено строгое разграничение их деятельности» [32. С. 460].

На конференции в докладе «О кооперации» председатель СНКА И. Рыков также затронул вопрос о кооперативном интеграле: «Некоторые товарищи предлагают вновь создать интеграл. Так как крестьяне иностранные языки знают плохо, то они называют кооперацию такого типа «интриганской», и, несмотря на случайность такого наименования, оно правильно определяет сущность интеграла» [4. С. 32].

Изменившееся отношение властных органов к организационным принципам построения кооперации позволило в течение 1925–1927 гг. завершить процесс создания в губерниях Поволжья специализированных кооперативных союзов. Однако в рассматриваемом регионе и в 1927 г. предпринимались попытки интегрирования кооперации. Несмотря на принятие резолюции XV Саратовской губернской партийной конференции (10-14 мая 1927 г.), в которой первоочередной задачей определялось пресечение любых попыток внедрения кооперативного интеграла [6. Д. 502. Л. 37], на уездном уровне продолжали создаваться интегрированные кооперативные союзы. Например, в сентябре 1927 г. был создан Кузнецкий Райкустпромкредитсоюз [19. С. 20].

Параллельно шел процесс перестройки организационных принципов построения первичных звеньев кооперации. Если в союзном строительстве власть пошла на уступки кооперации, то в низовой кооперативной сети на смену явочному порядку организации кооперативов была введена система их регистрации в государственных органах. Так, в «Положении о промысловой кооперации», принятом ЦИК и СНК СССР 11 мая 1927 г., говорилось, что регистрация кооперативов должна осуществляться только «после получения органами регистрации от соответствующего кооперативного союза заключения по уставу», а это ставило создаваемый кооператив в подчиненное положение по отношению к вышестоящему кооперативному органу. Экспертиза устава товарищества или артели позволяла кооперативным союзам диктовать единые требования в установлении размера пая и вступительного взноса, порядка распределения прибыли и других внутрикооперативных вопросов [42. С. 280].

Таким образом, внутренняя организация кооперативов постепенно подчинялась централизованному управлению, что не было характерным для традиционной формы кооперативного сотрудничества.

Представляет определенный интерес сравнительный анализ различных кооперативных систем в вопросе кооперирования населения. Например, сельская потребительская кооперация Саратовской губернии на 1 октября 1927 г. кооперировала 43,4 % крестьянских хозяйств, сельскохозяйственная – 22 %, а кустарно-промысловая лишь 15,7 % городских и сельских промысловых хозяйств [26. С. 3]. Во многом низкий процент кооперирования в кустарно-промысловой сети был обусловлен более поздним организационным оформлением данного вида кооперации в самостоятельную кооперативную систему.

В целом, можно отметить, что во второй половине 1920-х гг. в Поволжье интенсивно шел процесс создания специализированной союзной и низовой кооперативной сети, который был обусловлен как хозяйственным укреплением отдельных кооперативных систем, так и изменением политики властных структур по вопросу смешения функций различных видов кооперации.

Производственная деятельность кооперации на завершающей стадии реализации НЭПа во многом зависела от поддержки властных структур, а также от процессов, происходивших в государственной промышленности.

Государственная финансовая и хозяйственная поддержка кооперации осуществлялась путем увеличения кредитования, снабжения сырьем, обеспечения преимущественного права на аренду пустующих помещений и т. д.

Усиление внимания властных структур к проблемам кооперации было вызвано тем, что из-за недостатка денежных средств дешевле было помогать кооперации, являвшейся основным производителем товаров народного потребления, чем вкладывать деньги в развитие государственной легкой промышленности. Начавшаяся в стране индустриализация вынуждала государство направлять все свободные средства на развитие тяжелой промышленности. Более того, в правительственных кругах надеялись на то, что производственная кооперация не только позволит ликвидировать товарный голод на рынке товаров широкого потребительского спроса, но и будет, по мере своего укрепления, инвестировать легкую промышленность.

В рамках намеченного курса ВСНХ 8 июня 1926 г. принял постановление, в котором говорилось, что «в целях наиболее рационального использования всех бездействующих консервированных, демонтированных и подлежащих демонтажу госпредприятий и предприятий, не включенных в план восстановления государственной промышленности, признать необходимым передачу таких предприятий в основные капиталы промысловой кооперации на правах долгосрочной ссуды» [48. С. 70–71].

На основе принятого постановления часть государственных заказов промышленности была пере-

дана кооперации. Основанием для передачи являлось стремление власти повысить занятость населения и расширить производство товаров народного потребления. В этой связи кооперация переходила на государственное обеспечение сырьем и материалами. Ей предоставлялось преимущественное право аренды пустующих помещений и бездействующего оборудования госпредприятий, а также право на закупку инструментов и оборудования из части прибыли от внешне-торговой деятельности.

Руководствуясь указаниями XIII съезда РКП(б) о максимальном взаимодействии кооперации с государственной промышленностью, кооперация стала включаться советскими партийными и хозяйственными органами в основные потребители сырья и материалов трестов и синдикатов Поволжья.

Все перечисленные меры, с одной стороны, укрепляли кооперацию, но, с другой, усиливали ее зависимость от государства.

Производственная деятельность кооперации во второй половине 1920-х гг. осуществлялась как в интересах подъема всего хозяйства в целом, так и лично-го благосостояния членов кооперативов в частности. Главными рычагами регулирования деятельности кооперативов были: налоговая и кредитная система, договорные отношения с государственной промышленностью, плановое снабжение сырьем и оборудованием и т. д.

В этот период кооперация развивалась как сложная система, функционирующая при поддержке государства, заинтересованного в ней, предоставлявшего ей свободу хозяйственной деятельности и определенные имущественные льготы. Хотя нельзя не сказать о том, что во многом такая поддержка была обусловлена и узкокорыстными целями государственной машины, использующей кооперацию в борьбе с частным капиталом и к началу 1930-х гг. уже фактически подчинившей различные виды кооперации своему полному контролю путем вовлечения кооперативного сектора в плано-централизованную систему социалистического народного хозяйства.

Наиболее болезненной проблемой во взаимоотношениях власти и кооперации являлась кадровая государственная политика. В годы НЭПа распространялось назначенчество, насаждаемое парторганизациями, в результате чего коммунисты становились влиятельной силой в аппарате губернских и районных кооперативных союзов. Должности председателей правлений и ревизионных комиссий были введены в номенклатуру партийных комитетов.

По итогам работы XV Саратовской губернской партийной конференции была принята резолюция о кооперации, обратившая внимание на «... подбор членов партии для работы в кооперации, особенно местных работников, пользующихся персональным доверием и авторитетом среди крестьянства». Также в резолюции отмечалась необходимость освобождения коммунистов от «... не особенно ответственной советской работы и направления их на работу в кооперацию» [5. С. 40].

В середине 1920-х гг. была усилена работа по внедрению коммунистов в аппарат кооперативных систем. Если за период между XII и XIII съездами РКП (б) орграспредел ЦК произвел назначения 202 ответственных в кооперативные союзы, то с апреля 1924 до декабря 1925 г. (между XIII и XIV съездами) – 636, т. е. в три раза больше [34. Д. 595. Л. 13, 15].

Отруководства кооперацией отстранялись опытные кооператоры, которых заменяли партийные и государственные выдвиженцы, часто не имеющие опыта кооперативной работы. С июня 1924 по апрель 1925 г. на работу в кооперацию было направлено 6 152 большевика, прошедших лишь краткосрочные кооперативные курсы и мало знающих суть предстоящей работы [27. С. 82].

В июне 1925 г. в Москве прошло специальное совещание председателей кустпромсоюзов – коммунистов, на котором представитель Саратовской губернии Царев отметил, что в правлениях губернских и районных союзов коммунисты составляют 50 %, а «в первичных кооперативах с коммунистами дело обстоит недостаточно хорошо» [34. Д. 347. Л. 3]. Также он заметил, что «в начале года в кооперацию было направлено более 100 партийных работников, но партийные ячейки для работы в деревне направляли не лучших, а тех, от которых «надо было отделаться», и даже при безработице коммунистов в городе нет возможности, из-за отсутствия желания их ехать в деревню, подобрать грамотные кооперативные кадры» [34. Д. 347. Л. 2].

Проблема нежелания самих коммунистов работать в сельской кооперации стала предметом обсуждения на XIV Всероссийском съезде Советов, на котором отмечалось, что члены партии, направляемые для работы в кооперацию, заявляли: «Что я вам плохого сделал, за что вы меня в ссылку отправляете?» [28. С. 12].

Определенный интерес представляют письма коммунистов, мобилизованных в 1925 г. в счет «100», о своей работе в деревне, направленные в орграспредел ЦК партии. Так, один из инструкторов, командированный в Пугачевский уезд Самарской губернии, писал: «Здесь лозунг «Лицом к деревне» крестьяне восприняли как «Бей деревенского коммуниста». Причем в деревне пьют более 50 % коммунистов и на критику в их адрес отвечают, что «только Ленин не пил» [34. Д. 227. Л. 87, 91].

Внедрение партийных работников в первичные кооперативы часто вызывало противодействие со стороны рядовых членов. Так, в Еланской пуховязальной артели из-за «безобразий» со стороны правления, состоявшего из трех коммунистов, была организована забастовка кустарей, в время которой из 1 180 человек работали лишь 150 [8. Д. 114. Л. 39]. В ряде кооперативов их члены выступали против приема в них коммунистов.

Один из членов правления потребительского общества Барнаульского округа говорил: «Ну их, партийных, к черту! Сдаю лавку и больше не хочу работать в кооперативе. Какого черта работать, когда нет несколько мужицкой инициативы. Мы создадим свои кооперативы, где будет только мужик участвовать, установим пай, хотя бы в 50 руб., но тогда кооператив

будет всецело наш, у меня уже есть человек 40, разделяющих мою мысль. Главное выработаем свой устав и членами более никуда вступать не будем, чтобы нами никто не командовал, шушеры (бедноты) разной у нас будет меньше, партийцам тоже труднее будет залазить. Нам нужна мужицкая инициатива, а этого в кооперативе до сих пор нет. Райком РКП что хочет, то и делает» [44. С. 364].

Видимо, такое отношение к представителям правящей партии было обусловлено тем качественным составом партийных работников, которые командировались для работы в кооперацию. Наиболее профессионально подготовленные и «порядочные» коммунисты трудились на более важных участках народнохозяйственного строительства, а в кооперацию направлялись молодые и менее опытные кадры.

На слабом охвате партией первичных организаций сказывался и тот фактор, что члены РКП (б) даже попадая в кооперативы «бежали» оттуда, так как на них смотрели как на заведомого преступника.

В с. Соколовка Самарской губернии среди членов одного из кооперативов было проведено анкетирование. На вопрос «В чем вы не согласны с политикой партии в деревне?» последние отвечали: «Давно бы выгнать подхалимов и подкулачников, как наш член партии Захаров, который пьянствовал с кулаками на пасху, а с директивой партии согласны» [51. Д. 92. Л. 73]. Все 13 опрошенных членов кооператива высказывались за необходимость чистки партии.

Определенный интерес представляют письма простых людей, направляемые в государственные и партийные органы, в которых они откровенно высказывались о безобразиях, творимых рядом руководителей кооперативов. В частности, крестьянин села Царевшино Мокшанского уезда Пензенской губернии Е. Нехорошев весной 1925 г. отправил письмо на имя М. И. Калинина, в котором написал, что члены правления местного кооператива пропили все имущество и у людей в целом формируется негативное отношение ко всем видам кооперации [31. С. 427–428].

Об остроте обозначенной проблемы свидетельствует тот факт, что вопрос об участии коммунистов в кооперации был поставлен в повестку дня проходившей в конце апреля 1925 г. XIV партконференции, на которой А. И. Рыков в достаточной жесткой форме заявил, что доверие к партии со стороны крестьянства усилится только в том случае, если будут ликвидированы методы административного вмешательства в работу кооперации со стороны советских и партийных органов. В своем докладе он привел примеры случаев командировок местными органами в кооперацию коммунистов «не для действительной работы там, а на «кормление». Так как кооперация платит жалованье своим работникам, то устанавливалась очередь – кто в кооперацию в какие месяцы будет «кормиться». Разумеется, никакого доверия со стороны крестьянства при таких порядках кооперация никогда не добьется», – резюмировал он [41].

Интересные факты приводятся и в работах российских экономистов-эмигрантов. А. Югов в конце

1920-х гг., находясь в Берлине, писал: «... арестами, высылками коммунисты «очистили» кооперацию от всех старых независимых деятелей кооперации. Вместо них в кооперацию пошел, по мнению самих коммунистов, элемент, ей чуждый: среди них немало бывших мелких торговцев и мешочников периода Гражданской войны» [52. С. 237].

Особенностью партийной работы в кооперации в середине 1920-х гг. стал связанный с курсом XIV партконференции отказ от наиболее жестких форм овладения кооперативными объединениями. Пытаясь провести линию демократизации кооперативной жизни, в течение 1925 г. ЦК принял ряд решений, направленных, по мнению партийного руководства, на улучшение кооперативной работы. 29 июня были приняты постановления ЦК РКП (б) «Вопросы кооперативного строительства. О связи парткомов с органами кооперации и о партруководстве ими» и «Об организационной работе кооперации всех видов» [18].

Согласно первому из них предполагался переход «к нормальным методам партруководства», что обозначало воздействие на кооперативные объединения «непосредственно через соответствующие фракции и отдельных руководящих работников». Вторым постановлением определялась «строгая и полная ответственность работников кооперации (многие из которых были коммунистами) и органов управления за злоупотребления и неправильную работу». Однако последнее положение противоречило всей предыдущей практике партийного строительства в кооперации. Поэтому на местах (например, в Самарской губернии) партийные органы продолжали рассматривать кооперативные объединения как свои вотчины и проводили кадровые изменения в кооперативах и союзах не в соответствии с уставами, а на основании директив региональных партийных органов [35. Д. 603. Л. 36-37].

В 1927 г. активно проводилась кампания по усилению партийного контроля над кооперацией. В правлениях всероссийских кооперативных центров партпрослойка к этому времени составляла от 50 до 80 % членов [34. Д. 344. Л. 173].

Самый низкий процент коммунистов был в центральном органе промышленной кооперации. Подобное положение не устраивало партийное руководство, поэтому развернулась настоящая травля членов правления Всекопромсоюза, за которыми была установлена персональная слежка органами ОГПУ. Об отношении властных структур к руководству промышленной кооперации свидетельствуют персональные характеристики, подготовленные сотрудниками экономического управления ОГПУ, из которых следует, что данный вид кооперации возглавляют, как правило, противники советской власти. С помощью арестов, высылки и увольнений к концу 1920-х гг. партийным органам удалось подчинить своему влиянию руководящий центр промышленной кооперации.

В конце 1928 г. в кооперации были проведены отчетно-перевыборные кампании, которые использовались партийными органами для дальнейшего усиления влияния коммунистов. В своем отчете об итогах кампании Ульяновский Кустпромсоюз сообщал: «Го-

довые собрания проходили при участии председателей РИКов и райкомов ВКП (б). Почти во всех кооперативах была введена партийная прослойка в состав правлений и ревкомиссий» [30. С. 25].

Таким образом, можно утверждать, что на завершающей стадии нэповского эксперимента правящая партия усилила политику по внедрению своих представителей в кооперацию. В ходе этой работы менялись формы и методы, но цель оставалась неизменной – сосредоточить управление союзной и низовой кооперативной сетью в руках партназначенцев.

Анализ проводимой работы властными структурами в Поволжье показал, что внедрение коммунистов в кооперативные объединения встретило активное противодействие со стороны рядовых членов, так как в кооперацию направлялись не лучшие в профессиональном и моральном смысле кадры, а те, которым не нашлось места на других участках народного хозяйственного строительства.

В конечном итоге, овладев кооперативным аппаратом как в центре, так и на местах, партия большевиков и на завершающей стадии НЭПа имела незначительный процент участия в первичных кооперативных организациях. Но это был как раз тот случай, когда небольшая прослойка коммунистов осуществляла фактическое руководство низовой сетью кооперации.

В целом, анализ взаимоотношений власти и кооперации в Поволжье в первой трети XX в. позволяет утверждать, что властные органы как в досоветский, так и в советский период в той или иной степени стремились подчинить своему контролю кооперативное движение. Особенно отчетливо данная тенденция проявилась в годы «военного коммунизма» и на завершающей стадии реализации НЭПа. Относительно свободное развитие кооперации и поддержка со стороны государства проявились в годы Первой мировой войны и в первой половине 1920-х гг., когда кооперативный сектор экономики играл существенную роль в удовлетворении потребности населения в товарах широкого потребительского спроса.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (Государственный контракт № П 663 от 10 августа 2009 года).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безгина О.А. Из истории сельской кредитной кооперации в России // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы IV всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. 12–13 мая 2006 г. / Отв. ред. Э.Л. Дубман. Самара, 2007. С. 170–175.
2. Борьба. 1921. 11 февраля.
3. Вестник Пензенского земства. 1913. № 2.
4. Вопросы кустарной промышленности и промышленной кооперации на XIV партийной конференции // Вестник промышленной кооперации. 1925. № 5.
5. Голос Нижне-Волжского кооператора. 1924. № 2.

6. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф.27. Оп.3.
7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 36. Оп. 1.
8. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1.
9. ГАПО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 914.
10. ГАПО. Ф.Р. - 4. Оп. 1.
11. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф.Р. 55. Оп. 6. Д. 35. Л. 1.
12. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф.Р. 285. Оп. 1. Д. 164. Л. 211 об.
13. Давыдов А.Ю. Свободная кооперация в России (до октября 1917 года) // Вопросы истории. 1996. № 1.
14. XII Всероссийская конференция РКП (б). Бюллетень № 2. М., 1922.
15. Декреты Советской власти. М.: Политиздат, 1974. Т. 7.
16. Игнатъев С. Итоги Всероссийского съезда губсельсекций в Москве при Центросоюзе 20 мая 1921 г. // Наше хозяйство. 1921. № 1.
17. Известия ВЦИК. 1920. 23 апреля.
18. Известия ЦК РКП (б). 1925. 13 июля.
19. Итоги и перспективы хозяйственного строительства уезда (Тезисы по докладу тов. Ларионова на XX-й Упартконференции, одобренные пленумом Укома 25–26 октября 1927 г.). Кузнецк: Типогр. Промкомбината, 1927. 33 с.
20. Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация (1917 г. – март 1919 г.). М.: Наука, 1973. 292 с.
21. Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России – СССР (1905–1930). М.: Наука, 1996. 269 с.
22. Котеньков С.А. Возникновение профсоюзов и кооперативного движения в Астраханском крае // Астраханский край: история и современность (к 280-летию образования Астраханской губернии): Матер. Всероссий. науч.-практ. конф. Астрахань, 1997. С. 52–53.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. Т. 2.
24. Красное знамя. 1920. 14 февраля.
25. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1963. Т. 43.
26. Материалы к перспективному пятилетнему плану развития кооперации Саратовской губернии. 1927/28–1931/32 год. Саратов: Саратов. губ. коопсовет, 1928. 42 с.
27. Морозов Л.Ф. Формы и методы партийного руководства социалистической кооперацией // Вопросы истории КПСС. 1970. № 10.
28. На XIV Всероссийском съезде Советов // Вестник промысловой кооперации. 1929. № 5.
29. Парамонова Р.Н. Развитие системы кооперации Среднего Поволжья в условиях новой экономической политики (1921–1928 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2001. 239 с.
30. Первые итоги // Вестник промысловой кооперации. 1928. № 12.
31. Письма в власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.
32. Резолюция XIV конференции РКП (б) «О кооперации» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Сборник документов. 1917–1928. М., 1967. Т. 1.
33. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1967. Т. 1. 1917–1928. 783 с.
34. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 68.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85.
36. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1691. Оп. 3.
37. РГАЭ. Ф. 1691. Оп. 5. Д. 42. Л. 4 об.
38. РГАЭ. Ф. 1691. Оп. 6.
39. РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 1. Д. 829. Л. 133.
40. РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 243. Л. 86.
41. Рыков А.И. О кооперации // XIV конференция РКП (б): Стенографический отчет. М.-Л., 1925. С. 81–95.
42. Свод законов СССР. М., 1927. № 26.
43. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1921.
44. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 2. 1923–1939 гг. М., 2000.
45. Союз потребителей. 1921. № 1/3. С. 35.
46. Файн Л.Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 1994. 276 с.
47. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2002. 600 с.
48. Фейгин В. Кустарно-ремесленная промышленность СССР. М.-Л.: «Московский рабочий», 1927. 128 с.
49. Худяков П. Старый спор в новых условиях // Вестник кустарной промышленности. 1921. № 7.
50. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф.Р. 173. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.
51. ЦГАСО. Ф. 1141. Оп. 20.
52. Югов А. Народное хозяйство советской России и его проблемы // НЭП. Взгляд со стороны / Сост. В. В. Кудрявцев. М.: Московский рабочий, 1991. С. 174–303.